

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

1. Место снов
2. Пчелиный волк
3. Кошки ходят поперёк
4. Снежные псы
5. Краткая история Тьмы

Глава 1

Полярная аэробика

Не люблю белых медведей.

Такие поганые твари! Гораздо хуже бурых, черных гималайских, губачей и других всяких там гризли. Хуже, честное слово. Даже внешним видом и то хуже. Убийцы. Глазки маленькие и все время выискивают, как бы кого задрать. Бурый, ну или там гризли, летом черники с лососем обожрется и сидит в кустах, никого не трогает. А этот сколько ни обжирается, все ему мало.

А самый главный недостаток у белых такой — когда кого-нибудь он, гад, все-таки замочит и все-таки сожрет, то у него это на морде сразу видно. И в прямом, и в переносном смысле. Вся его белая харя превращается сразу в красную, что отвратительно само по себе. И выражение на ней такое — «я тут сожрал двух аквалангистов, кого бы еще сожрать...».

Одно утешает — скоро это все кончится. Этот их весь, как в свое время говорил старина Ляжка, медвежий беспредел. Температура по всему шару повышается, Антарктика тает, Арктика тает, жить белым гадам негде, полезут

на сушу, а там их комары загрызут. И вообще, брусникой они питаются вряд ли смогут, ведь не вегетарианцы. Так что лет двести им осталось, не больше, потом передохнут. Через двести лет я загляну в простой музей в соленом провинциальном Сиэтле, увижу набитого сушеными водорослями мишку, щелкну его по носу и потреплю за ухо.

Через двести лет.

А пока я их не люблю. Белый медведь мне не товарищ. Но сейчас это были не они.

Звук исчез.

Началось.

Туман вязко колыхнулся, я почувствовал его движение, но реагировать не стал. Постоял еще немного, вглядываясь в густую ватную субстанцию, затем медленно обернулся.

Снегохода не было. Только что — оранжевое неспокойное пятно в белом безмолвии — стоял здесь, трещал на холостом ходу, и вот исчез. Растворился, и стало тихо. Тихо-тихо.

Началось. Уперли снегоход. Теперь до площади пешеходом придется добираться, а я уже, блин, не молод.

А вообще утро началось нормально. Обычно. С холода.

Я проснулся — ничего не видно. Перед глазами морозные узоры на стеклах маски. Нет, можно, конечно, спать в шлеме с подогревом, но мне кажется, что шлемы жужжат, а я не могу спать под жужжание. Чувствуешь себя так, будто голова в микроволновке хранится. Такие шлемы специально изобрели американцы, чтобы у жителей северных территорий мозги фритюрились. А когда они совсем сфритюрятся, звездно-полосатые орды двинут на нас прямо через Гренландию...

Нет тут никакой Гренландии, никто к нам не двинет. Кобольды вот двинули, да замерзли сразу, так и остались там стоять, в снегах. Уродливые ледяные скульптуры. И никакая мертвая вода не помогла. Замерзла.

А шлем помогает, но жужжит. Так что в шлеме я не сплю, а стекла маски замерзают. Просыпаешься — перед глазами морозные узоры и другие чудеса снежинок. И керосинка погасла. Она всегда гаснет. А еще написано, что в Англии сделано. Везде вранье.

Я осторожно выставил наружу руку — холодно. Стянул маску и огляделся, как всегда оглядываюсь.

Все как обычно. Пламя замерзло длинным оранжевым язычком с синей прожилкой посередине, и я удивился. Каждое утро оно замерзает, и каждое утро я удивляюсь. А можно бы и привыкнуть. Но к этому привыкнуть трудно. Я вот человек ко всему привычный, умирал двадцать восемь тысяч раз, а вот к замерзшему огню привыкнуть не могу. Наверное, оттого, что в душе я консерватор, как я недавно понял.

А может, это от мороза. От него стал я какой-то спокойный, ничего меня не волнует. Случилось так.

Да и город этот спокойный, не похож на остальные здешние пространства. Перец правду сказал. Тут вообще... странно. Странней, чем обычно. Градус неменяемости гораздо выше. Мертвый холод. В третий день по прибытии, ну, немного уже подочухавшись, я решил попрактиковаться — немножечко пострелять. Так, для души. Ну и посмотреть, что тут к чему. Вот и вышел на крышу.

Есть такое выражение устойчивое — «город-призрак». Это когда жители вдруг взяли — и сгасились, а город остался, ну и призраков в нем полно завелось разных: мутантов, ментальных вампиров, все как полагается, люки с пауками, зомби в подворотнях, ну или парочка маньяков с лопатами. Нормальный такой город-призрак, тихая долина.

А здесь ненормальный. Вымороженный. Кругом только белое. Снег, лед, иней. Тихо. Солнце светит пять часов в день, остальное время ночь.

Так вот, вышел я на крышу пострелять. А как тут стрелять? У меня рукавицы размером со средний валенок! Ну, решил рискнуть своим драгоценным здоровьем, рукавицы сбросил, выхватил из-за пазухи Берту. Хорошо, что с вечера на рукоятки натянул обрезки от велосипедных камер, пальцы сразу не примерзли, и я успел выстрелить.

Выстрел замерз. Не знаю, как такое возможно, но пуля пролетела метров пятнадцать и упала. Видимо, порох взрывается тут с недостаточной энергоотдачей, а может, еще что. Тут же все по-дебильному. Короче, выстрела не получилось. Выстрел замерз. Рассказал бы Воргасу, тот бы не поверил, сказал бы, что у меня от мороза мозг заоченел. Может, так оно и есть, конечно...

Потом-то нашел патроны — специальные, для холодной стрельбы. А сначала так и ходил безоружный.

Снег здесь никогда не идет. С неба не падает. Если только метель его поднимает, а так нет, тишина. Кажется, даже снегопад замерз.

Тут вообще все замерзает. Кроме нас. Сами мы не замерзаем — в том-то и заключается основная ненормальность. Это не значит, что тут не холодно — холодно, и лыжную палку лизать крайне не рекомендуется. Но холод не смертельный почему-то. То есть, если я разденусь догола и буду носиться по мерзлым улицам, холодно мне, конечно, будет, но ни воспаления легких, ни менингита, ни других осложнений. Максимум — ОРЗ, ангина и обморожение. Причем даже пальцы отморозить не удастся — только нос, уши и щеки. Нос, уши и щеки у меня всегда болят. Даже антифриз не помогает. Таблетку сожрешь — вроде тепло, а все равно обмораживаешься. В прошлом месяце случайно поглядел в зеркало, а чуть не обикался, честное слово. Гляжу на себя и вижу: по ушам растут длинные такие волосы. Волосатые уши! Этого мне только не хватало — волосатых ушей!

Я испугался, решил, что какую-нибудь здешнюю болезнь подцепил, типа волосоглаза или шерстоуха, схватил ножницы и давай перед зеркалом подстригать себе уши. Ну, то есть волосы на ушах. И тут как раз Перец ввалился. Посмотрел на меня так серьезно и посоветовал палить волосы паяльной лампой. Я обиделся, послал его, а Перец сказал, что волосы на ушах в северных широтах — обычное явление. Разик отморозишь — потом всю жизнь с волосатыми ушами будешь ходить. Кстати, вполне мужественно. Я поинтересовался, что же тут мужественного, а Перец ответил, что это как раз самое мужественное, что можно придумать. Поскольку у женщин волосы на ушах не растут даже в случае полного их обморожения. Уши у них могут вообще отвалиться, а волосы не вырастут, хоть ты тресни.

— Ты мужик! — изрек Перец и поощрительно похлопал меня по плечу.

Тогда я попросил осветить следующие вопросы: а если, к примеру, я отморозил еще нос, у меня что, и на носу будут теперь волосы произрастать? А если я пальцы отморозил? Тогда у меня и на этих площадях растительность проклюнется?

— Ну, это уж у кого как, — ответил Перец. — Конечно, если ты супермужик, то и пальцы густого ворса не избегнут, ну а если так себе, то только уши. А вообще надевай двойную маску, она помогает.

А я и так, между прочим, в двойной маске всегда хожу. Плохо помогает, уши-то отморозил...

Обморозиться по мелочи можно, замерзнуть совсем никак. Перец объясняет все просто — тот, кто этот чертов город намечтал, хотел, чтобы тут было жутко холодно, но чтобы самому ему ничего не угрожало. И чтобы все было.

Тут действительно всего полно — склады лопаются от продуктов. Только, к сожалению, все они в замороженном виде. Но зато деликатесы разные, пища, к которой я при-

вык на ванхолловской базе. Правда, Перец не разрешает питаться разнообразно — считает, что это ослабляет дух. Единственная поблажка — День Жратвы в конце каждого месяца. Может, он и прав, может, так и надо: аскетизм, закаливание, сон на гвоздях. Но я считаю, что Перец просто жмот. Жалко ему тех продуктов, а может, бережет для кого.

На других складах барахло разное: телевизоры, музыка, фотики, короче, потребительский рай. Только вот ничего потреблять почему-то не хочется. Как-то раз, правда, взгрустнулось мне, взял телик, взял плеер, дисков насыпал, раздобыл генератор, хотел кинá посмотреть. Воткнул какую-то фантазень, смотрел-смотрел. Ровно сорок семь минут смотрел, потом до того надоело, что плюнул. Никакая фантазия с тем, что происходит за окном, сравниться не может. Так что от барахольных складов толку особого нет. Плеер есть, а счастья нет.

Есть еще военные склады, в них пользы побольше. И я туда уже добрался. Правда, оружие довольно старое, конца прошлого века. Но все равно хорошо. Оружие всегда пригодится.

Ангаров невыясненного назначения тоже полно, но времени посмотреть их нет. А если честно, то и вообще лень.

Все, в общем-то, у нас есть, не город — мечта. Только холодно. И я вот думаю — почему люди такие? Почему не придумать такой город где-нибудь на берегу моря? Или в горах. В моих любимых красивых розовых Андах, где звезды размером с кулак и светят в разные стороны. Нет, надо придумывать ледяную пустыню. Обязательно... Я вот все время мечтал о таком городе, но мои мечты совсем не осуществились. А чьи-то осуществились. Кто-то мечтал о белых медведях — и на тебе, пожалуйста, вокруг белые медведи. Целая куча. Очень белые. Ходят. К нам редко приближаются, боятся. Вертят острыми мордами, нюхают воздух.

Белый медведь — самый страшный хищник. Поэтому на всякий случай я везде хожу с соплеметом. Это великое изобретение моего друга Дрюпина. Где ты, Дрюпин? Иногда я даже вроде как скучаю по его дурацким изобретениям. Сапоги-скороходы, железные пауки, соплемет...

Сколько времени прошло? Ностальгия.

Соплемет как-то притащил Перец. Сказал, что навегнул нашу базу еще разок — там ремонт какой-то, ну, или строительство какое развернуто, Ван Холл все не успокоится. А как он, Перец, прибыл на базу под ночным покровом, так его тут же и прижучили. Единственное, что он успел утащить, так этот соплемет. И соплегенератор к нему. Раньше соплегенератора не было, и я сделал вывод, что технический талант Дрюпина не стоит на месте, что Дрюпин продолжает наполнять мир смертоносными штуkenциями. Значит, там все в порядке. Хотя, кажется, изначально соплемет придумывался для разгона демонстраций. Но против мишек он тоже помогает.

Сопли Дрюпин придумал отличные — на морозе не сворачиваются. Всепогодные сопли, мне уже посчастливилось испытать. Ехал я как-то к военным складам на своем верном снегоходе... Склады-то на самой окраине города, иначе как на снегоходе к ним не подобраться. Так вот ехал-ехал, вдруг бах — прямо по курсу из-под снега белый гад как выскочит!

Могучий такой, чуть ли не в тонну. Крутанул я руль, снегоход урылся, я и вылетел, плюхнулся в снег. Прокатился немного, тут же вскочил. А этот уже ко мне летит. Я даже подумать ничего не успел, выстрелил. Потом гляжу — он извивается метрах в пяти от меня. Весь покрыт мелкой сопливой сеткой. Извивается, пытается коготками подцепить...

Вот-вот, пусть поизвивается, это откроет ему глаза на то, кто тут выше стоит в пищевой цепочке. Сопли теперь два часа не отпустят.

Хотел его объехать, но потом решил произвести небольшую экзекуцию. Подошел к гаду, и всю БERTУ ему в ляжку разрядил. Шесть выстрелов. Больно, но совершенно безвредно — на нем столько жира было, что пули застряли, воткнувшись на сантиметр. Затянутся салом через неделю. Зато теперь он к нашему огороду близко не подойдет...

А хотел в ухо. В ухо ему стрельнуть хотел, да. С тех пор старался ходить без револьверов. Чтобы не провоцировать в себе агрессию. Правда, кроме мишек тут и стрелять не в кого, а против мишек лучше соплемета оружия нет. Белый медведь — самый страшный сухопутный хищник. Ах да, я, кажется, уже говорил...

Надо держать себя в руках. Надо. Спрашиваю у Перца — почему бы не призвать сюда красных волков? Они бы мишек поотогнали. Нельзя, отвечает. У волков в глазах четвертаки, они начинают замерзать.

Они замерзают, а я должен тут жизнью рисковать! Из-за этих паскудных...

Все. Все. Надо успокоиться.

Я перестал думать о белых медведях. Каждое такое тяжелое утро на меня наваливаются мысли. Преимущественно белых оттенков. Про белых медведей, про белых соек, про белок, про белых...

Рывком, по-суворовски, скатился с лежанки. Задержал дыхание, затем резко подпрыгнул и повис на перекладине. Вывинчивание из спальника — особое искусство, я овладел им не сразу. За ночь спальник будто прирастает, причем повсеместно — и к спине, и к животу, и к ногам. Сдирать его лежа мучительно и морозко, потом, после такого сдиранья жить тяжело, поэтому я придумал другой способ.

Повисев немного и вернув в порядок кровообращение, я произвел следующие манипуляции: повис на одной руке, а другую высунул наружу и отключил обогрев, распустил «молнию». После чего принялся дергаться и изви-

ваться, стараясь выдохнуть гораздо сильнее. Через минуту спальный мешок валялся на полу.

Пару раз подтянулся, сделал подъем с переворотом и спрыгнул вниз. Пол холодно гукнул, в пятки стрельнуло холодом. Восстание свершилось. Я поглядел на часы.

Часы тоже замерзли. Еще давно. Когда город был перенесен сюда дебильным усилием чьей-то дебильной фантазии (не исключаю, что это был, кстати, сам Перец). Так вот, когда город был перенесен сюда, тут все позамерзло. Город и так северный был, а здесь его холод усилился. Но усилился не просто дальнейшим понижением температуры, а как-то качественно усилился, разом.

Будильник показывал шестнадцать сорок, на электронных часах было 16.43. Время остановки. Время остановилось, огонь замерз. Мертвый огонь раздражал почему-то, выглядел на редкость противоестественно. Поэтому я снял с лампы стекляшку, ткнул язычок пальцем. Пламя рассыпалось на мелкие оранжевые кусочки.

Вышел в коридор, вернулся со спиртом. Забросил дрова в буржуйку, облил горючим, поджег. Сначала спирт прогорел снаружи, затем подпалил дрова внутри, через десять минут печь стала выдавать тепло. Я сидел рядом, повернувшись спиной к жару, улыбался и ежился. Хорошо. Сварил кофе, выпил. Тоже хорошо.

Согревшись, а вернее сказать, окончательно разморозившись, я стал собираться. Взял лишь самое необходимое, самое засушное, а потом отправился на зарядку. Револьверы не взял.

Зарядка важна — нельзя терять форму. Перец утверждает, что здесь форма набирается сама, со временем. Чем дольше ты тут находишься, тем быстрее твоя реакция, тем лучше ты владеешь оружием, быстрее бегаешь, ну и так далее. Я Перцу не очень верю. Хотя он свои слова подтверждает — ни разу не видел его тренирующимся. Он либо чем-то занят, либо пропадает где-то, либо на топчане

валяется. И сколько раз я ему ни предлагал побороться — ни разу не смог победить. Стрелять он, конечно, не умеет, но во всех остальных физических дисциплинах мне до него далеко. И на мечях, и на топорах, и на ножах, и мордобой обычный, во всем этом с Перцем мне не сравниться. Реакция у него действительно необычная.

Но он ведь и сам ненормальный, аршином общим не промерить. Хотя тут никого не промерить...

Я, посвистывая, спускался по лестнице. Не, можно было и выпрыгнуть — невысоко, третий этаж, а внизу сугроб. Я часто в сугроб прыгаю. Только сегодня мне чего-то не хотелось прыгать. А я что-то стал слишком доверять своим ощущениям, не хочется прыгать в сугроб — не прыгай.

Спустился до второго этажа и вышел в окно — первый все равно был завален снегом, пробовал я в нем прогрызть ход, но снег плотный.

Под окном меня дожидался снегоход, машина смерти. Это я к тому, что снегоход признан самым опасным видом транспорта, с него регулярно кто-то слетает, причем обычно насмерть расшибаясь.

Откинул капот, полил спиртом, подпалил. Не подпалишь — двигатель не заведется, придется идти пешком. До центра пешком минут двадцать. Недалеко, конечно, но опасно. В снегу, когда его много, образуются пустоты, что-то вроде пузырей. Провалишься в такой пузырь — потом сиди, пока не вытащат. Я один раз просидел пять часов, уши снова отморозил. А снегоход над такими пузырями пролетает, так что лучше на снегоходе.

Дернул стартер, двигатель застрекотал, я покатил к центру. Съехал под горку и оказался на площади Победы.

Площадь Победы. Название не я придумал, она на самом деле так называется. Тут вообще у каждой улицы названия, все как полагается. Площадь Победы, улица Гагарина, бульвар Пищевиков. Все, как в нормальном го-

роде. На площади Победы стоит памятник. Танк на большом куске гранита, а рядом большая полковая гаубица. И у танка, и у пушки из стволов торчат железные цветы. Мне не очень нравится такое решение, но куда памятник денешь? Но все равно проезжать мимо приятно почему-то, наверное, потому, что я никогда не жил в настоящем городе, я помню только свою дурацкую базу. А тут город. И настоящая квартира. Я живу не в норе, а в квартире, как люди. Пусть Перец в норе сидит, а я хочу, чтобы вид был из окна. У меня вот прекрасный вид — белая пустота до горизонта, а на горизонте, далеко-далеко, горы. Горы всегда розовые. И утром, и днем, и вечером. Отличный вид. А в норе только полумгла и запах Яшкиной похлебки. Правда, тепло, но я никакое тепло не променяю на хороший вид. Если бы не холод, я бы даже рисовать начал, но нельзя — краски тоже замерзают. А в норе, где не замерзают, вдохновение не берет.

Но я, кстати, нашел выход — я теперь фотографирую. Завел себе хороший фотик и фотографирую, а потом, когда придет время, перерисую.

Ну да я отвлекся. Площадь Победы.

Я протарахтел мимо танка, спустился к пешеходному мосту. Красивое такое сооружение, в пушкинском духе. Изогнутое дугой, ажурное, как раз для того, чтобы экзальтированные барышни вниз кидались. Фонари опять же такие, будто только что с Невского проспекта вырваны.

Через мост ехать не хотелось. Стоял, наверное, с минутой, смотрел. Слушал, как в фонарях гудит ветер. Ветер сегодня гудел как-то чересчур успокаивающе, что было подозрительно. Сегодня у меня вообще подозрительное какое-то настроение... Кстати, на мосту они на меня уже два раза нападали. Да, очень удобное для нападения место — с моста никуда ведь не удерешь, только разве что вниз прыгнуть. А тут высоко. И сегодня у меня не день прыжков, недаром все-таки я в окно не выпрыгнул.